

Мария Коваленко

МИНУТ

Мария Коваленко

17 минут

<https://litres.ru/74070973>

SelfPub; 2026

Аннотация

17 минут, чтобы влюбиться. 17 минут, чтобы потерять всё. И 17 минут, чтобы понять, что прошлое не вернуть.

Алиса – молодая писательница, которая ищет в реальности то, что придумывает в книгах: сильного, нежного, опасного и надёжного одновременно. Дамир – бизнесмен, сильный, независимый мужчина, который давно перестал верить в чудеса.

Они никогда бы не встретились в обычной жизни. Но судьба заперла их вдвоём в лифте на 17 минут. За это время они успели сказать друг другу больше, чем другие люди не могут сказать друг другу за годы совместной жизни.

Их любовь была стремительной, безумной, неправильной – и самой настоящей. Через несколько лет судьба снова сводит их в том же лифте...

Настоящий, эмоциональный роман о любви, которую не вычеркнуть. О выборе между «незабываемым» и «настоящим». О том, что иногда самые сильные чувства остаются только в памяти – но именно они делают нас теми, кто мы есть.

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Мария Коваленко

17 минут

Глава 1

Пролог. Падение вверх

Москва встречала сентябрь дымкой и мелкой моросью, которая не столько мочила, сколько окутывала всё липкой паутиной осени. Стекло­нные стены башни «Федерация» отражали низкое серое небо, превращая небоскрёб в гигантское зеркало, в котором тонули облака. Где-то на двадцать пятом этаже уборщица уже вытирала пол, равнодушно скользя шваброй по мрамору, где через несколько минут начнётся церемония вручения премии «Золотое перо». В кондитерской на первом этаже пе­кли круассаны, запах масла и корицы поднимался к лифтам, смешиваясь с парфюмом проходящих мимо женщин в доро­гих пальто и ароматом типографской краски от свежих книжных новинок, раз­ложенных на столиках в холле.

Никто из этих людей – спешащих, говорливых, листо­ющих деловую почту на ходу – не знал, что через несколько минут в лифте начнётся история, интереснее любого сериа­ла.

Можно ли влюбиться за семнадцать минут?

Психологи с их сухими цифрами скажут: нет. Гормонам нужно время. Окситоцин не вырабатывается по щелчку пальцев. Дофаминовые рецепторы не взрываются фейерверком от одного взгляда. Им нужны часы, дни, недели узнавания – запахов, голоса, привычек.

Но психологи никогда не застревали в лифте с человеком, чья улыбка пахла персиками и коньяком одновременно.

Они никогда не стояли в двух шагах от незнакомца, чувствуя, как воздух между ними нагревается, густеет, становится почти осязаемым.

Алиса Грант не знала, что после того, как стальные двери разъедутся, остальной мир перестанет для неё существовать.

Она ехала на презентацию своей книги «Любовь по расписанию» – третьего романа о том, как героиня ищет идеального мужчину и находит его в самый неподходящий момент. Книга была написана легко, почти играючи, потому что Алиса верила в каждое написанное слово. Верила, что где-то там, за поворотом, её ждёт тот самый – сильный, нежный, опасный и надёжный одновременно. Верила так сильно, что сердце иногда начинало биться чаще просто от предвкушения.

Дамир Соколовский не знал, что ровно через три года он будет стоять на балконе своей лондонской квартиры, смотреть на ночной город, зажав между пальцев давно погасшую сигарету, и ненавидеть тишину.

Он ехал подписывать контракт, который должен был увеличить его состояние на двести миллионов рублей. Он не

спал двое суток, потому что вчера уволил финансового директора за подлог, а сегодня утром его помощник перепутал время встречи. Дамир был зол, собран, холоден.

Они оба были уверены, что управляют своей жизнью.

Как же смешны бывают самоуверенные люди перед лицом судьбы.

Судьба не пишет писем на красивой бумаге – она стучится кулаком в дверь. Путь судьбы вымощен битым стеклом, а не розами. Судьба затягивает галстук на шее, когда ты меньше всего этого ждёшь, и нажимает на кнопку «Стоп» в самый неподходящий момент...

Они вошли в лифт с разницей в два этажа.

Они вышли из него другими людьми.

Потому что семнадцать минут – это тысяча двадцать секунд. Это время, за которое можно родиться, умереть или начать жить заново.

Глава 1. Девушка, которая писала счастье

21 сентября, 11:45. Москва. Башня «Федерация», первый этаж

Алиса замерла перед вращающимися дверями бизнес-центра, впуская в себя момент.

Она любила делать так перед важными событиями – останавливаться на пару секунд, глубоко вдохнуть и сказать себе: «Запомни это. Это когда-нибудь станет сценой в книге». Вдох – и воздух пахнет мокрым асфальтом, осенними пре-

лыми листьями, выхлопными газами и какими-то осенними цветами.

На ней было пальто цвета утреннего латте – мягкий, тёплый оттенок, который она выбирала три недели, перемерив множество вариантов в разных бутиках. Это пальто должно было сказать о ней всё: «Я серьёзный автор. Я достойна премии. Я не девочка из спального района, которая пишет в блокноте на коленке». Ткань – кашемир с добавлением ангоры – ложилась по плечам идеально, чуть прикрывая ворот белой блузки с кружевными манжетами. Алиса любила эти манжеты – они выбивались из рукавов пальто тонким белым кружевом, как намёк на романтику под строгой оболочкой.

Туфли – лодочки на невысоком каблуке, бежевые, замшевые – уже промокли от утренней мороси, и Алиса чувствовала, как влага пробирается к телу, но ей было всё равно. Она стояла на пороге «взрослой» жизни, и маленький дискомфорт не имел значения.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказал голос в голове.

Это был голос её редактора Нади – женщины бальзаковского возраста с вечным сигаретным кашлем и острым языком. Надя умела врать с такой искренностью, что ей верили даже детекторы лжи. Но сейчас она говорила правду. Алиса, действительно, выглядела прекрасно. Иначе и быть не могло: сегодня могло случиться то, о чём она мечтала последние пять лет.

Шорт-лист номинации «Открытие года».

Алиса Грант, двадцать четыре года, три романа, тираж сто пятьдесят тысяч экземпляров, переписка с читателями по ночам, кот, который делал лужи в любимые туфли, и коллекция осколков её разбитого сердца.

Эти осколки она собирала, как другие собирают магниты на холодильник. Первый осколок – Серёжа из девятого класса, подаривший ей васильки и ушедший к отличнице Ирке через две недели. Второй – институтская любовь Лёша, который сказал: «Ты слишком умная, Алис. С тобой не расслабиться». Третий – Никита, музыкант с гитарой и вечной нехваткой денег. Он ушёл к солистке своей группы, красивой блондинке с голосом, похожим на звон разбитого стекла. «Ты слишком глубоко копаешь, – сказал он на прощание. – В каждом жесте ты ищешь смысл. А иногда жест – это просто жест».

После Никиты Алиса дала себе клятву: больше никаких сложных мужчин. Только простые. Только надёжные. Только те, кто не заставит её сердце биться так, чтобы оно выскакивало из груди.

Клятва продержалась ровно до того момента, как она вошла в лифт.

– Вы верите в любовь с первого взгляда? – спросила Алиса у своего отражения в зеркальной стене лифта.

Отражение было стройной брюнеткой с каштановыми волосами, забранными в небрежный, но очень продуманный пучок на затылке. Из пучка выбивалась кудрявая прядь – та

самая, непослушная, которая всегда лезла на правый глаз, сколько бы Алиса ни закалывала её невидимками. Эта прядь была её фирменным знаком – читатели узнавали её на творческих вечерах именно по ней. «Вы – как ваши героини, – говорили они, – чуть растрёпанные, но от этого ещё более настоящие».

Глаза у отражения были серо-зелёные – бабушка называла их «болотными» и вздыхала: «Не повезло тебе, внучка. Мужчины любят ясные, прозрачные глаза, в которых, как в колодце, видно дно, а в твоих – тина. Им страшно».

Поклонники говорили иначе: «цвета северного сияния». Это звучало красиво. И не так обидно.

Отражение поджало губы. Тонкие, почти не покрашенные – только прозрачный блеск с запахом ванили. Алиса не любила яркую помаду. Она казалась себе в ней чужой, как актриса, надевшая маскарадный костюм не по размеру.

Сегодня она почти пожалела об этом правиле. Всё-таки премия. Но решила остаться собой. В конце концов, её книги были о том, что быть собой – это единственное, что имеет смысл.

Лифт был огромен – зеркальные стены, полированная латунь поручней, мягкий ковролин на полу с логотипом башни. Пахло здесь дорогим освежителем – какая-то сложная композиция с цитрусом, сандалом и намёком на морской бриз. Пахло деньгами и властью.

Алиса нажала кнопку двадцать шестого этажа.

Кнопка загорелась мягким оранжевым.

Двери начали закрываться.

Она не знала, что на двадцать четвёртом этаже её уже ждал тот, кто перечеркнёт все её клятвы.

Двадцать четвёртый этаж

Дамир Соколовский бежал.

Но бежал он так, как бегают только хищники, за которыми гонятся – или которые гонятся сами. Быстро, бесшумно, почти грациозно, если бы не тяжесть портфеля в правой руке и злость, сжимающая горло стальной пружиной.

Он вылетел из офиса «ТрансЛогистик» на двадцать четвёртом этаже, даже не попрощавшись с секретаршей, которая что-то лепетала ему вслед про подписанные бумаги. Он не слышал. Он вообще не слышал ничего, кроме стука собственного сердца, который повторял одно и то же слово: «Опоздал. Опоздал. Опоздал».

Совет директоров «РосМеталлИнвеста» ждал его через девять минут. Девять минут – это девять миллионов штрафа за срыв сделки. Девять миллионов – это его бонус за этот квартал. Девять миллионов – это крыло новой больницы, которую он обещал построить в память о матери.

Помощник Аркадий – длинный, нескладный парень в вечно мятой рубашке – перепутал время встречи. И перепутал здание. Вместо того чтобы отвезти Дамира в башню «Федерация» А, он привёз его в башню «Федерация» Б. Когда ошибка вскрылась, Аркадий побелел так, что Дамир испу-

гался – хватит ли парня инфаркт прямо на его глазах? Не хватил. Аркадий только заикался и трясся, пока Дамир рвал и метал.

– Уволю, – сказал Дамир ледяным тоном. – К чёрту. Сегодня же.

– Но, Дамир Викторович...

– Ты оглох?

Аркадий замолчал. И правильно сделал. С Дамиром Соколовским в такие минуты не спорили. Даже самые опытные юристы предпочитали отсиживаться в углу, пока буря не утихнет.

На Дамире был костюм от Бриони – тёмно-синий, в тонкую полоску, сидящий на его широких плечах как вторая кожа. Он не любил, когда костюм сидит свободно. Свобода – это расслабленность, а расслабленность – это ошибки. Он не мог позволить себе ошибок. Никогда.

Галстук – синий в красную полоску – он завязал утром узлом Виндзор, идеально ровно, как на картинке из журнала для миллионеров. Туфли – черные, итальянские, с тонкой подошвой – мягко ступали по ковролину коридора, не издавая ни звука. Часы на запястье – «Патек Филипп», подарок отца перед тем, как тот навсегда исчез из его жизни, – показывали 11:46.

Дамир ненавидел эти часы. Но носил их, потому что забыть о прошлом нельзя. И прощать – нельзя.

Его отец – Виктор Соколовский – был когда-то уважае-

мым бизнесменом. Потом – банкротом. Потом – пьяницей. Потом – никем. Он ушёл из семьи, когда Дамиру было пятнадцать, и умер в одиночестве в какой-то дешёвой съёмной квартире, когда Дамиру исполнилось двадцать восемь. Похороны организовывала мать – та самая, которую отец бросил с долгами и больным сердцем.

Мать умерла через три года после отца. Умерла в больнице, потому что Дамир был на переговорах в Сингапуре и не взял трубку.

Он не простил себе этого никогда.

Именно поэтому он теперь никогда не выключал телефон. Именно поэтому он брал трубку даже в четыре утра.

Он думал, что так правильно.

Он ошибался.

Лифт на двадцать четвёртом этаже уже ждал, открыв двери, как голодная пасть. Дамир влетел внутрь, нажал кнопку первого этажа, даже не глядя по сторонам.

И только когда двери начали закрываться, он заметил её.

В углу.

Маленькую. Сероглазую. С кудрявой прядью, упавшей на правый глаз.

– Простите, – бросил Дамир сквозь зубы, даже не повернув головы. – Я вас не заметил.

– Ничего, – ответил тихий голос.

Этот голос остановил его.

Не интонацией – в ней не было ничего особенного. Не

тембром – хотя голос был низким, чуть хрипловатым, как у людей, которые много читают вслух. А тем, как он прозвучал в замкнутом пространстве лифта – мягко, уютно, почти интимно, будто они были не в рабочем здании, а в маленькой комнате с зажжёнными свечами.

Дамир повернулся.

Позже, в сотнях бессонных ночей, он будет перематывать этот момент на плёнке памяти, замедляя кадр, пытаясь понять, что именно его зацепило.

Может быть, глаза. Серо-зелёные, влажные, словно только что смотрела на дождь. В них не было ни страха, ни восхищения – только спокойное любопытство. Она рассматривала его так, как рассматривают редкий экземпляр бабочки в энтомологической коллекции – без страха, но с уважением к его потенциальной опасности.

Может быть, губы. Тонкие, но мягкие, с едва заметной улыбкой, которая пряталась в уголках рта. Она не улыбалась ему, нет. Она просто улыбалась – чему-то своему, внутреннему, что делало её совершенно недостижимой.

Может быть, пальцы, сжимающие край портфеля. Тонкие, с аккуратными ногтями, без лака, но с кольцом на мизинце – дешёвая бижутерия, потускневшая от времени. Руки, которые много пишут. Много стирают. Много чувствуют.

– Вы к кому? – спросил Дамир первое, что пришло в голову.

Он тут же мысленно выругался. Идиотский вопрос.

Неужели он, человек, подписывающий контракты на миллионы, не может придумать ничего умнее?

– К читателям, – ответила она, и в голосе прозвучала лёгкая усмешка. – Я писатель.

– А-а-а. Сказки для девочек, – буркнул Дамир, отводя взгляд. Ему вдруг стало трудно смотреть на неё прямо – слишком ярко, словно он смотрел на солнце через увеличительное стекло. Риск обжечь сетчатку.

Но Алиса – он ещё не знал, как её зовут – не обиделась.

– Истории о взрослых мужчинах, которые боятся чувств, – спокойно сказала она. – Таких, как вы.

Лифт дрогнул.

Остановился.

Замер между этажами, как сердце, пропустившее удар.

Дамир нажал на кнопку вызова диспетчера. Ничего.

Нажал ещё раз. Тишина.

– Вот чёрт, – выдохнул он, прислонившись лбом к зеркальной стене. Стекло было холодным – оно остудило разгорячённую кожу, но не мысли. – Чёрт, чёрт, чёрт.

Разговор пошел по спирали. Она спросила, почему он так зол. Он рявкнул, что зол на дураков, которые привыкли всё усложнять.

– Как например? – не отступала Алиса. Ей было не страшно. Писатели не боятся монстров, они придумывают их биографии.

– Вот вы. Женщины. Вам подавай романтику, «ваниль-

ные» закаты, признания под луной. А как только даёшь это – вы сбегаете.

– Потому что мужчины путают «романтику» с попыткой купить нас за ужин и стандартный комплимент.

Дамир сделал шаг вперёд. Теперь между ними было 30 сантиметров.

– А что бы вы назвали настоящей любовью? Своими словами, писательница.

Алиса подняла голову. Дышать стало трудно.

– Семнадцать минут, – выдохнула она. – Если за семнадцать минут два человека могут рассказать друг другу то, что не рассказывали годами, – это оно. Это и есть судьба.

Внутренний голос Дамира, обычно стальной и уверенный, вдруг заскулил.

Она только что описала его жизнь в двух фразах.

– Вы психолог? – спросил он.

– Писатель, – напомнила она. – Мы те же психологи, только придумываем счастливые концы.

– А в жизни счастливые концы бывают? – Дамир повернулся к ней, опираясь спиной на стену.

Она подняла голову. В свете аварийного освещения – тускло-жёлтого, почти домашнего – её лицо казалось вырезанным из старой фотографии. Тени ложились на скулы, подчёркивая их хрупкость. Глаза блестели.

– Пока не знаю, – сказала она честно. – Моя жизнь ещё не закончилась.

Внутри Дамира что-то щёлкнуло.

Как затвор фотоаппарата.

Как замок, который открылся без ключа.

Он вдруг понял, что хочет узнать о ней всё. Не выпрашивать – это было бы грубо. А просто сидеть и слушать. Слушать этот голос, смотреть на эти руки, ловить запах – лаванды и свежей типографской краски – который исходил от её пальто.

– Меня Дамир зовут, – сказал он, протягивая руку. – Просто Дамир. Без титулов.

– Алиса, – она пожала его ладонь.

Рука была тёплой, несмотря на холодный лифт. Сухой, мозолистой от ручки – Дамир заметил мозоль на среднем пальце. Писательская. И очень трогательная.

– Как в стране чудес? – спросил он, не отпуская её руку.

– Почти. А вы читали?

– Не читал.

– Жаль, – она мягко высвободила пальцы. – Вы много теребите.

– Расскажите, – попросил Дамир. – Пока мы не задохнулись здесь.

– Датчики вентиляции работают, – заметила она, но села на пол, скрестив ноги. – Это лифт премиум-класса. Мы не задохнёмся. А вот опоздаем – это да.

Дамир помолчал.

Потом опустился на пол напротив неё.

Расстояние между ними было не больше метра. Аварийный свет падал сверху, выхватывая их лица из темноты, как два портрета в музее, висящих слишком близко друг к другу.

– Расскажите про себя, – попросил Дамир.

– А что рассказывать? – она пожалала плечами, и прядь упала на глаз. Она заправила её за ухо – привычным, отточенным движением. – Склонность к меланхолии. Ненавижу баклажаны. Мою посуду голыми руками, потому что перчатки скользят. В детстве хотела стать ветеринаром, но поняла, что не вынесу, если животное умрёт. Стала писателем – убиваю только бумажных героев.

– Вы смешная.

– Я серьёзная.

– Это одно и то же, – Дамир улыбнулся. Впервые за этот день. Впервые за эту неделю. Улыбка была неловкой, почти детской – уголки губ дрожали, будто мышцы забыли, как это делается.

Алиса заметила его улыбку.

И её собственное сердце сделало кульбит.

– Почему вы не смотрите на часы? – спросила она. – Вы же опаздываете.

– Потому что, – Дамир посмотрел на свои «Патек Филипп», – встреча подождёт. Такие встречи, как наша, случаются раз в жизни.

– Вы меня с кем-то путаете.

– Нет, – он покачал головой. – Я никого никогда не путал

так сильно, как хотел бы перепутать вас с кем-то, кого можно забыть.

Тишина повисла в лифте – густая, сладкая, опасная.

Алиса почувствовала, как щёки начинают гореть.

Хорошо, что свет был тусклым.

Хорошо, что он не видел, как она краснеет.

Плохо, что он видел всё остальное.

– Знаете, – сказал Дамир тихо, почти шёпотом, – я ненавижу застревать. Но сейчас мне кажется, что это самое правильное, что случилось со мной за последние десять лет.

– Десять лет – это много, – заметила Алиса.

– Я знаю.

– Почему десять?

– Потому что десять лет назад умерла мать. И с тех пор я не чувствовал себя живым.

Алиса протянула руку.

Не для того, чтобы пожать её. А для того, чтобы дотронуться до его пальцев.

Легко. Едва заметно. Подушечкой указательного пальца провела по его костяшкам.

– Вы живой, – сказала она. – Просто забыли, как это – дышать полной грудью.

– Научите? – спросил Дамир.

– Попробую.

Они сидели так – почти касаясь – и время текло иначе. Не секундами. Не минутами. А ударами сердца.

Тысяча двадцать секунд.

Они не знали, что это время станет точкой невозврата.

– Позвони мне, Сказочница, – сказал Дамир. – Ровно через семнадцать минут после того, как выйдешь из этого здания. – Иначе я женюсь на первой встречной.

– Почему семнадцать?

– Чтобы я успел сойти с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.